

Аарон Аппельфельд

История одной жизни

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44
А 76

Aharon Appelfeld
THE STORY OF A LIFE
Copyright © 1999, Aharon Appelfeld
All rights reserved

Перевод с иврита Екатерины Карасевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Аппельфельд А.

А 76 История одной жизни / Аарон Аппельфельд ; пер. с ивр. Е. Карасевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-389-31816-8

Аарон Аппельфельд (1932–2018) — известный израильский писатель, удостоенный многочисленных премий, среди которых почетная международная премия Медичи за книгу «История одной жизни» (2004), премия «Индепендент» (2012) и многие другие. В возрасте семи лет закончилось детство Аарона. В 1939 году он оказался в гетто, а потом был депортирован в концентрационный лагерь, откуда ему удалось бежать. В течение трех лет мальчик скрывался в сельской местности, пока его не спасла Красная армия. Спустя многие годы Аарон Аппельфельд решился поведать о своем прошлом в откровенной автобиографии, ставшей самой популярной его книгой.

Впервые на русском!

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44

© Е. Н. Карасева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31816-8

ВВЕДЕНИЕ

Эти страницы — отрывки памяти и созерцания. Наша память изменчива и избирательна, она порождает то, что хочет. И речь не о том, что она сохраняет только хорошее и приятное. Память, подобно снам, извлекает из густой материи событий отдельные детали, порой совсем незначительные, прячет их, а затем в определенный момент вновь выталкивает на поверхность. Как и сон, память старается придать событиям некий смысл.

С детства я чувствовал, что память — это живое, действующее хранилище, которое оживает меня. Ребенком я часто представлял летние каникулы в деревне у дедушки с бабушкой. Я часами просиживал у окна и воображал эту поездку. Все, что я помнил с прежних каникул, снова являлось мне, но уже в более красочном виде.

Память и воображение часто живут под одной крышей. Но в те далекие годы они, казалось, соревновались друг с другом. Память была осязаемой, почти осязаемой, а у воображения были крылья. Память притягивала известное, а воображение уплывало к неведомому. Память всегда приносила мне негу и покой, а воображение мотало меня из стороны в сторону и в конце концов подавляло.

Потом я узнал, что есть люди, которые живут только воображением. Таков был мой дядя Герберт. Он унаследовал большое состояние, но из-за того, что жил в воображаемом мире, все быстро растратил и обеднел. Когда я познакомился с ним ближе, он уже был бедняком на попечении родственников, но даже в своей нищете не переставал витать в облаках. Его взгляд всегда был устремлен куда-то вдаль, и он говорил лишь о будущем, будто не существовало ни настоящего, ни прошлого.

Удивительно, насколько ясны далекие и смутные воспоминания детства, особенно те, что связаны с Карпатскими горами и широкими равнинами, простирающимися у их подножия. В последние годы, приезжая туда на каникулы, мы с семьей вбирали в себя эти горы и равнины с какой-то пугающей жадностью, словно роди-

тели знали, что это последние каникулы и что дальше жизнь станет адом.

Когда началась Вторая мировая война, мне было семь. Ход времени нарушился: больше не было ни лета, ни зимы, ни долгих поездок к дедушке и бабушке в деревню. Мы жили, втиснутые в тесную комнату. Какое-то время мы провели в гетто, а в конце осени нас изгнали и отсюда. Мы скитались несколько недель и в конце концов оказались в лагере. О побеге я расскажу, когда придет время.

На войне я не был собой. Я уподобился маленькому зверьку, живущему то в одной, то в другой норке. Мысли и чувства сжались до предела. Правда, иногда из глубин поднимался мучительный вопль: почему, за что я остался один? Но этот вопль растворялся в лесном тумане, и зверек снова укрывал меня своей шерсткой.

О войне я помню совсем немного, будто она не длилась целых шесть лет. Да, временами из густого тумана поднимается то согбенное тело, то почерневшая рука, то ботинок, от которого остались только клочья кожи. Эти образы, яркие, как огненные вспышки, быстро исчезают, словно не желая проявиться, и снова — лишь черная пустота, называемая войной. Это если

говорить об осознанном. Но кожа, ноги, спина и колени помнят больше, чем голова. Если бы я умел извлекать воспоминания из них, меня бы захлестнуло.

Иногда мне удавалось прислушаться к своему телу, и я писал несколько глав, но и они — лишь фрагменты мрачной реальности, скрытой во мне.

После войны я провел несколько месяцев на итальянском побережье, потом пожил на югославском. Это были месяцы чудного забвения. Вода, солнце и песок ласкали нас до позднего вечера, а по ночам мы сидели у костра, жарили рыбу и пили кофе. По пляжам тогда бродили люди, которым удалось пережить войну: всякого рода музыканты, фокусники, оперные певцы, предсказатели, контрабандисты и воры, а среди них дети-артисты лет шести-семи, которых жадные до наживы импресарио взяли под опеку и таскали с места на место. Они выступали каждую ночь, а иногда и по два раза. Забвение вырыло в нас глубокие катакомбы, которые мы затем привезли с собой в Израиль.

Когда мы туда приехали, забвение уже прочно окопалось в наших душах. В этом смысле Израиль стал своего рода продолжением Италии. Забвение нашло здесь плодородную почву. Идео-

логия тех лет также способствовала тому, что мы замкнулись в себе, но приказ замкнуться пришел не из внешнего мира. Временами из катакомб просачивались образы войны и предъявляли свои права. Однако у них не хватало силы поколебать столпы забвения и волю к жизни. А жизнь тогда говорила: забудь, растворишься. Кибуцы¹ и всевозможные фермы были отличными теплицами для взращивания забвения.

Много лет я жил будто в глубоком сне, а жизнь тем временем текла на поверхности. Я привык к сырым глубоким катакомбам. Да, я всегда боялся, что рано или поздно случится взрыв. Мне казалось, и не без причины, что силы тьмы, кишачие там, крепнут и однажды, когда им станет тесно, они вырвутся наружу. И действительно, иногда обвалы случались, но силы забвения возвращали все на места, и выход снова запирался на семь засовов.

Несколько лет я жил с разрывом между «здесь» и «там», между тем, что внутри, и тем, что снаружи. История этой борьбы отражена на этих страницах и простирается широким

¹ Кибуц — один из видов сельскохозяйственных коммун в Израиле, характеризующийся общностью имущества и равенством труда и потребления. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

фронтом: память и забвение, ощущение хаоса и бессилия — с одной стороны, и стремление к жизни, имеющей смысл, — с другой. Это не книга, задающая вопросы и дающая на них ответы. Эти страницы — описание одной борьбы, если воспользоваться выражением Кафки, и в этой борьбе участвуют все части души: память о доме, о родителях, пастораль Карпатских гор, дедушка и бабушка и свет, со всех сторон струившийся тогда в мою душу. Потом — война, которая принесла разрушения и шрамы. И наконец, долгие годы в Израиле: работа на земле, язык, сомнения юности, университет и письмо.

Эта книга — не подведение итогов, а, если угодно, отчаянная попытка связать разные части моей жизни с корнем, из которого они произрастают. Пусть читатель не ищет на ее страницах стройного жизнеописания. Это кусочки жизни, увязнувшие в памяти, но все еще живые и пульсирующие. Многие кануло в небытие, многое пожрало забвение. А то, что осталось, поначалу кажется несущественным, и все же когда я складывал кусочек за кусочком, то почувствовал, что их объединяют не только годы, но и некий смысл.

I

В какой момент проснулась моя память? Иногда мне кажется, это случилось, когда мне было четыре и мы в первый раз поехали — мама, папа и я — на отдых во влажные, темные карпатские леса. А иногда кажется, что память начинает прорасти во мне еще раньше, в комнате у двойного окна, украшенного бумажными цветами. Идет снег, и мягкие пушистые снежинки падают с неба, словно на парашютах. Они едва слышно шуршат. А я часами сижу и смотрю на это чудо, пока не сливаюсь с белым потоком и не засыпаю.

Более отчетливое мое воспоминание связано с одним словом, слишком длинным и трудным для произношения: *Erdbeeren*, что в переводе с немецкого значит «земляника». Весна. Мама стоит у открытого окна, я сижу на стуле рядом с ней, и вдруг из переулка сбоку появля-

ется русинская¹ девочка, на ее голове — круглая широкая корзинка, полная земляники. «*Erd-beeren!*» — кричит мама. Этот крик адресован не девочке, а папе, который в тот момент был во дворе. Папа останавливает девочку, она снимает с головы корзину, они о чем-то говорят. Папа смеется, достает из кармана пальто купюру и протягивает девочке, а она отдает ему полную ягод корзину. Папа поднимается по лестнице и заходит в дом. Теперь можно рассмотреть поближе: корзина неглубокая, но весьма широкая, а земляника мелкая, красная и пахнет лесом. Мне тогда очень хотелось запустить руку в ягоды, зачерпнуть горсточку, но я знал, что нельзя, и сдержался. Мама, кажется, видела меня насквозь: она взяла горсть земляники, помыла и дала мне на тарелочке. Я так обрадовался, что даже дыхание перехватило.

Потом начинается настоящая церемония: мама посыпает сахарным песком мелкие ягоды, добавляет сметану и протягивает лакомство каждому из нас. Нет нужды просить добавку: мама сама добавляет и добавляет, и мы жадно едим, будто земляника вот-вот кончится. Но бо-

¹ Русины — восточнославянский народ, проживающий в Карпатах — в Польше, Словакии, Венгрии, Румынии, Сербии и так далее. У них свой язык — русинский.

яться нечего: корзина еще полна — даже если будем есть до самого утра, все равно еще останется. «Жаль, гостей нет», — говорит мама. Папа смеется тонким, заговорщическим смехом. На следующий день мы тоже съели по целой тарелке, но уже не жадно, а скорее лениво. Остатки земляники мама убрала в кладовку; я своими глазами наблюдал, как сияющая земляника серела и вяла, и это зрелище отравляло мне весь день. Но корзина, сплетенная из молодых веточек — простого хвороста, еще долго была у нас, и каждый раз, когда я ее видел, вспоминал, как она покоилась на голове русинской девочки, словно красная корона.

Более четкие воспоминания — прогулки вдоль реки, по тропинкам среди полей и по лужайкам. Иногда мы забирались на холм, сидели на вершине и смотрели вдаль. Мои родители любили не говорить, а слушать. Особенно мама. Когда она слушала, ее большие глаза еще шире распахивались, будто она хотела впитать в себя все, что было вокруг. Дома тоже чаще молчали, чем говорили. Из тех далеких дней в моей памяти не осталось никаких разговоров, только мамин взгляд. В нем было столько нежности ко мне, что я чувствую ее до сих пор.

Дом у нас был просторный, со множеством комнат. Один балкон выходил на улицу, другой — во внутренний двор. Длинные занавески доставали до самого паркета, и, когда горничная меняла их, запах крахмала разливался по всему дому. Но больше, чем занавески, мне нравился пол, а точнее, ковер. На его вытканых цветах я строил из кубиков улицы и дома, заселял их плюшевыми медведями и свинцовыми собаками. Ковер был плотный и мягкий, и я утопал в нем часами, воображая, что еду на поезде, пересекаю целые континенты и наконец бросаю якорь в бабушкиной деревне.

Мысль о том, что летом мы поедem в деревню, вызывала воспоминания о прошлой поездке, но образы словно виднелись в тумане, расплывчатые и больше похожие на сон. Одно слово все же осталось, и это — *мистоме*¹. Странное и непонятное слово, бабушка все время его повторяла. Не раз я собирался спросить, что оно значит, но так и не спросил. Мы с мамой говорили на немецком. Иногда мне казалось, что маме неловко из-за речи бабушки и дедушки, она предпочла бы не слышать их языка. Однажды я все же набрался смелости и спросил:

¹ Может быть (*идиш*).

— Как называется язык, на котором говорят бабушка и дедушка?

— Идиш, — прошептала мне мама на ухо.

День в деревне очень долг и простирается глубоко внутрь белой ночи. В деревне нет ковров, только рогожи. Даже в гостевой комнате была постелена рогожа. От прикосновения ноги она издает сухой шорох. Мама садится рядом со мной и режет арбуз. В деревне нет ресторанов и кинотеатров, мы сидим допоздна во дворе и провожаем долгий закат до полуночи. Я стараюсь не уснуть, но все равно засыпаю.

День здесь полон чудесных мелочей. Вот оркестр из трех цыган вдруг заходит во двор и принимается играть печальную мелодию на скрипках. Бабушка не удивляется, она хорошо их знает. От их мелодии мне становится все грустнее и хочется плакать. Мама приходит мне на помощь и просит цыган прекратить играть, но они не унимаются.

— Дайте помолиться! — кричит один из цыган и продолжает.

— Ребенку страшно, — просит мама.

— Чего бояться, мы ж не черти.

Наконец мама протягивает им купюру, и они умолкают. Один из цыган хочет подойти и успокоить меня, но мама меня закрывает.

Едва цыгане уходят со двора, как появляется трубочист, высокий человек, опутанный черными веревками, и сразу приступает к работе. Его лицо покрыто копотью, и рядом с дымоходом он выглядит как черт из сказок братьев Гримм, которые мне мама читает перед сном. Я хотел было поделиться с мамой этим секретом, но передумал.

Ближе к вечеру коровы возвращаются с пастбища. Мычание и пыль наполняют пространство тоской и грустью, но не волнуйтесь, еще немного — и начнется ежевечерняя церемония: варка варенья. Сливовое, сливовое с грушей, варенье из позднеспелой вишни — каждому варенью отведено свое время. Бабушка приносит из кухни большой медный чан и ставит на костер. Костер горит постоянно, еще с сумерек, и вот теперь на нем сияет этот медный чан. Варка варенья продолжается почти всю ночь. Бабушка пробует, добавляет специи и наконец дает мне мисочку теплого варенья. Угощение, которого я так ждал, в этот раз не приносит мне радости. Страх, что ночь кончится, на двор приедет колесница утра и мы вернемся в город, — этот страх, сделав тайный подкоп, атакует мое маленькое счастье. Я сжимаю мамину руку, целую ее, и снова целую, и наконец, опьяненный запахами, засыпаю на рогоже.

В деревне я с мамой. Папа остается заведовать делами в городе, и когда он вдруг приезжает, то кажется мне чужим. С мамой я гуляю по лугам, хожу на речку, точнее, на один из притоков реки Прут. Ослепительно-прозрачная вода течет медленно, и ступни утопают в мягком дне.

Летние дни тянутся бесконечно. Я умею считать до сорока, рисовать цветы и буквально через день-два уже смогу написать свое имя печатными буквами. Мама меня не оставляет ни на минуту. Мне так хорошо с ней, что даже секунда без нее печалит меня.

Иногда я ни с того ни с сего задаю ей вопросы о Боге или о том, как я родился. Маму смущают эти вопросы, мне кажется, она даже краснеет. Как-то раз она мне сказала: Бог на небе, и Он знает все. Этот ответ меня обрадовал, словно волшебный дар. Но в основном ее ответы краткие, будто вымученные. Когда я переспрашиваю, она все равно не отвечает подробнее.

Бабушка крупная и крепкая женщина. Ее руки занимают всю поверхность широкого деревянного стола. Она всегда рассказывает с вдохновением; видно, что подробности, которые она

описывает, милы ее сердцу, говорит ли она об овощах в огороде или о саде позади коровника. Трудно поверить, что бабушка — мать моей мамы. Мама кажется ее слабой тенью. Бабушка не раз отчитывала ее за то, что та оставляет недоеденным суп или пирог. У бабушки обо всем свое мнение: как выращивать овощи в саду, когда собирать сливы, кто достойный человек, а кто злодей. Во всем, что касается детей, она еще более категорична. Детей надо укладывать спать до наступления темноты, а не в девять вечера. Мама же, напротив, не видит ничего страшного в том, что ребенок уснет на рогоже.

Бабушка не всегда настроена на решительные споры. Иногда она щурится, обмякает своим крупным телом и рассказывает маме о былых днях. Я не понимаю ничего из того, что она говорит, но все же мне приятно ее слушать. Когда она берет меня на руки, я чувствую себя слабеньким, как младенец.

Дедушка — высокий, худой и неразговорчивый. Ранним утром он уходит на молитву и возвращается к уже накрытому столу, на котором его ждут овощи, сыр и яйца. Дедушкино молчание распространяется на нас всех, он не смотрит на нас, а мы не смотрим на него. Но в пят-

ницу вечером, в канун субботы, его лицо делается мягче. Бабушка гладит ему белую рубашку, и мы с ним идем в синагогу.

Дорога в синагогу долгая и полна чудес. Вот стоит лошадь, а рядом маленькая девочка, с меня ростом, — смотрит на нас. Неподалеку от них катается в траве жеребенок. Полное энергии создание лежит на спине и сучит ножками, будто его опрокинули, — я тоже иногда так барахтаюсь. Потом, чтобы показать всем, что его так просто не одолеть, жеребенок поднимается и крепко встает на ноги. Десятки глаз — других жеребят, овец и коз — с изумлением следят за ним, все рады, что он смог подняться.

Дедушка идет молча, но его молчание не пугает. Мы останавливаемся каждые несколько минут. На мгновение мне кажется, что дедушка хочет сказать мне, как называется тот или иной предмет: так обычно делает папа. Но я ошибаюсь. Дедушка продолжает молчать, а если и говорит, то я обычно ничего не понимаю. Хотя в этот раз он проронил несколько слов, которые я понял.

— Бог, — сказал он, — на небе, так что нам нечего бояться.

Жесты, которыми он сопровождал эти слова, были даже понятнее самих слов.

Дедушкина синагога маленькая и деревянная. При дневном свете она похожа на придорожную часовню, только длиннее, без крестов и алтарей для подношений. Вход низкий, дедушка нагибается, чтобы зайти, я иду за ним. Тут нас ждет чудо: множество золотистых свечей мерцают в двух ящиках с песком, источая свет и запах воска.

Молитва приглушенная, ее почти не слышно. Дедушка молится, закрыв глаза, и свет от свечей дрожит у него на лбу. Все погружены в молитву. Но не я. Я почему-то вспоминаю город, его улицы, мокрые после дождя. Летом дожди приходят внезапно, и папа таскает меня по узким переулкам от одной площади к другой. Папа не ходит в синагогу. Его восхищают природа, архитектура, церкви, капеллы, кофейни, в которых подают кофе в изящных чашечках.

Дедушка прерывает мои раздумья, наклоняется и показывает мне молитвенник — сидур. Листы его пожелтевшие, на них мерцают крупные черные буквы. Все движения здесь осторожные и тайные. Я не понимаю ничего. На мгновение мне кажется, что львы над арон-кодешем¹

¹ *Арон-кодеш* («священный ковчег») — специальное место в синагоге для хранения свитков Торы.

вот-вот оживут и накинутся на меня. Молитва льется шепотом. Иногда возносится голос и ведет шепот за собой. Это дом Бога, люди приходят сюда, чтобы почувствовать Его. Один я не умею с Ним говорить. Если я научусь читать молитвенник, то тоже смогу познать Его чудеса и тайны, но пока надо спрятаться, чтобы Бог не узрел моей глупости.

Кантор читает и читает и во время чтения переступает с ноги на ногу, кланяется направо и налево. Он ближе всех к арон-кодешу и пытается достучаться до Бога. Остальные вслед за ним вздымают головы и подавляют свои желания в угоду желаниям Бога.

Вот уже погасли свечи в ящиках, люди сняли свои талиты¹, и какое же тихое изумление проявилось в их глазах — будто бы они вдруг поняли что-то, чего не понимали раньше.

Выход из синагоги длится вечность. Сначала выходят старики, а следом все остальные. Мне уже хочется наружу. Там чистый воздух и люди говорят друг с другом, а не с Богом.

Снова мы отправляемся в путь. Дедушка напевает молитву, но это другая молитва, не за-

¹ *Талит* — особым образом изготовленное прямоугольное покрывало для молитвы.

ААРОН АППЕЛЬФЕЛЬД
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Ольга Ткаченко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Наталья Бобкова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.09.2026.
Формат издания 60 × 84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NFF-41092-01-R